

Японские исследования. 2019. № 4. С. 39–59.

Japanese Studies in Russia, 2019, 4, pp. 39–59.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10027

Коллекция В.Л. Серошевского (МАЭ № 831) как первая в отечественной этнографии целевая подборка визуально-иллюстративных и предметно-тематических материалов по традиционным японским фаллическим культурам*

А.Ю. Сеницын

Аннотация. Цель данной статьи – рассмотреть предметный состав коллекции В.Л. Серошевского в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ № 831) как первый в отечественном этнографическом японоведении тематический комплекс материалов, дающих возможность визуальной репрезентации этнокультурного функционирования традиционных японских фаллических культов, неразрывно связанных с ними культов плодородия, а также некоторых аспектов японской гендерной культуры середины XIX в. Рассматриваемая коллекция является результатом собирательской деятельности В.Л. Серошевского во время его командировки в 1903 г. в Японию по заданию Императорского Географического общества и Императорской академии наук. Поступление данной коллекции связано также с научными интересами Л.Я. Штернберга, одного из основателей советской этнографической школы. Специфика коллекции состоит в том, что представляющие её предметы были собраны в период, когда архаичные фаллические культы, некогда функционировавшие как неотъемлемая часть «примордиальной» парадигмы японской этничности, её своеобразный визуальный маркер, в конце XIX – начале XX в. не соответствовали идеологическим концепциям мэйдзийских реформаторов, подвергались преследованиям со стороны японских властей и находились под угрозой исчезновения. Однако эта причина позволила В.Л. Серошевскому приобрести ряд раритетных предметов, которые в последующие периоды заполучить было бы несравненно сложнее. Научный интерес представляют и комментарии В.Л. Серошевского по поводу собранных им предметов. В статье также затрагивается проблема трансформации общественных представлений о возможности / невозможности открытой визуализации аксессуаров фаллических культов в публичном (в т.ч. – в музейном экспозиционном) пространстве. Судьба предметов из данной коллекции являет собой пример подобных изменений.

Ключевые слова: японские фаллические культы, реформы Мэйдзи, гендерная культура, визуализация этничности, коллекция МАЭ № 831, В.Л. Серошевский, Л.Я. Штернберг.

Автор: Сеницын Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Восточной и Юго-Восточной Азии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. E-mail: asin@kunstkamera.ru

* Исследование выполнено за счёт гранта РФФИ № 19-18-00116 «Визуализация этничности: российские проекции науки, музея, кино» (рук. А.В. Головнёв).

The W.L. Seroshevsky collection (MAE No. 831) as the first targeted acquisition of visual and thematic materials on Japanese traditional phallic cults in Russian ethnography*

A.Yu. Sinitsyn

Abstract. The purpose of this article is to consider the subject composition of the collection by V.L. Seroshevsky in Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (“MAE No. 831”) as the first in the Russian ethnographic Japanese studies thematic set of materials enabling visual representation of the cultural and ethnic functioning of traditional phallic and fertility cults, as well as some aspects of the gender culture of the mid. 19th c. Japan. The acquisition was the result of the collecting activity of V.L. Seroshevsky during his expedition to Japan in 1903, sponsored by Emperor’s Geographical Society and the Emperor’s Academy of Sciences. The acquisition reflects the research interests of L.Y. Sternberg, one of the founders of the Soviet ethnographic school. The collection was acquired in the period when phallic cults, once an integral part of the “primordial” paradigm of Japanese ethnicity, suffered suppression from the part of the Meiji authorities and stayed at the very verge of extinction. However, this reason allowed V.L. Seroshevsky to collect a number of very rare items, which in subsequent periods would be much more difficult to acquire. V.L. Seroshevsky’s comments proper on the pieces he collected are valuable ethnographic evidences, too. The article also touches upon the problem of transformation of the approaches (both in Russia and Japan) to the relevant limits for the visualization of phallic cult objects in public space and museum exposition; the fate of this collection presents a vivid example of such transformation.

Keywords: Japanese phallic cults, Meiji reforms, collection MAE No. 831, gender culture, visualization of ethnicity, V.L. Seroshevsky, L.Y. Sternberg.

Author: Sinitsyn Aleksandr Yu., Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of East and South-East Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. E-mail: asin@kunstkamera.ru

Цель данной статьи – рассмотреть предметный состав коллекции МАЭ № 831 как первый в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН – и шире, отечественной этнографии в целом – тематический комплекс материалов, дающих возможность визуальной репрезентации этнокультурной парадигмы функционирования традиционных японских фаллических культов, неразрывно связанных с ними культов плодородия, а также некоторых аспектов гендерной проблематики.

Под «визуальной репрезентацией» здесь понимается конструирование концептуального представления о некоем явлении в целом путём «наглядной» подборки конкретных и значимых (репрезентативных) элементов этого явления. В данном случае речь идёт о создании общего представления о японских фаллических культах по отдельным артефактам, функционировавшим в системе этих культов.

Фаллические культы – явление весьма архаичное; они получили на Японском архипелаге самое широкое распространение начиная ещё с периода Дзёмон (XIV в. до н.э. –

* The research was undertaken with the support of the Russian Science Foundation grant No. 19-18-00116 “The Visualization of Ethnicity: Russian Projections of Science, Museum, Cinema” (Director – A.V. Golovnev).

III в. до н.э.) [Киддер, 2003, с. 57, 89–90] и не утратили своей актуальности до настоящего времени включительно, несмотря на все попытки их дискриминации. Эти культы имеют множество локальных вариантов и самые разнообразные формы проявления; они не сводятся к поклонению сакральным изображениям гениталий божеств или ритуальному использованию подобных изображений. Эти культы так или иначе нашли отражение в японских мифах, в синтоистских и даже некоторых буддийских церемониях, практиках и культовом инвентаре; в традициях придворной аристократии; в народной праздничной культуре; в фольклоре; в традиционной игровой и юмористической культуре; в традиционных искусствах – архитектуре, живописи, гравюре *укиё-э*, поэзии, различных театральных формах и т.д.

В настоящее время в разных районах Японии продолжают функционировать святилища, где в качестве *го-синтай* – «священного вместилища божества» – почитаются разнообразные фаллические символы как естественного, так и рукотворного происхождения. Эти символы, по представлениям японцев, способствуют продолжению рода, фертильности, счастливой семейной жизни; покровительствуют путникам, защищают людей от демонических сил и болезней, а поля – от вредителей [Quehada, 1998, p. 2]. При некоторых святилищах в настоящее время ежегодно устраиваются карнавалы празднества *мацури*¹, во время которых имеют место многоярусные шествия с ритуальным выносом паланкинов *микоси* с установленными на них гигантскими фаллосами и в сопровождении стягов с соответствующими изображениями; разнообразные театрализованные и игровые представления с элементами оргиастической направленности; устраиваются ярмарки с продажей самых разных изделий и сувениров, разносторонне обыгрывающих фаллический символизм.

Однако во второй половине / конце XIX – начале XX в., когда складывались отечественные этнографическая и японоведческая школы, ситуация была совершенно иной. В японской традиции эта эпоха известна как «период Мэйдзи» (1868–1912); за событиями революции *Мэйдзи исин* 1868 г. последовала решительная, но болезненная для традиционалистов смена всей парадигмы социокультурной модели японского общества: упразднение самурайского сословия, реформа образования, реформа письменности, реформа календаря (отмена традиционного дальневосточного и принятие григорианского, что само по себе стало болезненным «актом»), поток культурных заимствований из стран «Запада». Можно сказать, что произошла своеобразная «культурная революция», сопровождавшаяся построением новой, контролируемой «сверху» идеологии «государственного Синто» и жёсткой унификацией и формализацией религиозной жизни японского народа. Мэйдзийское правительство стремилось сформировать таргетированный Западу новый имидж Японии как «цивилизованной нации», соответствующий западным представлениям о критериях «цивилизованности». В связи с этим многие аспекты этнокультурной традиции, не соответствовавшие критериям создателей новой культурной модели, стали рассматриваться как весьма нежелательные в имиджевом отношении «пережитки» эпохи Токугава, подвергались официальным запретам и преследованиям, угасали, уходили в тень или на дальнюю периферию общественной жизни. Архаичные фаллические культы, некогда функционировавшие как неотъемлемая часть «примордиальной» парадигмы японской этничности, выступавшие даже её своеобразным визуальным маркером, попали в число

¹ Например, Канамару-мацури святилища Канамару, г. Кавасаки; Хонэн-мацури святилищ Куманося и Тагата-дзиндзя, г. Комаки.

дискриминируемых «пережитков», а их адепты были вынуждены «камуфлировать» объекты поклонения [Ксенофонтова, 1981, с. 79–80].

Таким образом, эта небольшая коллекция, собранная в период, когда дальнейшее «выживание» фаллических культов в Японии казалось весьма сомнительным, стала ценным приобретением как для отечественного этнографического японоведения, так и для МАЭ, ибо подобные экспонаты в его японском собрании до этого представлены не были.

Поступила эта коллекция от В.Л. Серошевского (1858–1945) – польского революционера и общественного деятеля, писателя, путешественника, исследователя Сибири и Восточной Азии, а также собирателя айских коллекций для МАЭ. Его вклад в собирание японских коллекций оценён меньше – ибо это было периферийной составляющей его собирательской деятельности. Японию В.Л. Серошевский посетил в 1903 г., куда был командирован вместе с Б.О. Пилсудским Императорской Академией наук и Императорским Географическим обществом с целью изучения айнов Хоккайдо и сбора коллекционных предметов, характеризующих их быт и культуру. Кроме о. Хокайдо, Серошевский в 1903 г. имел возможность посетить и другие регионы Японии; в разное время он побывал в таких городах, как Токио, Осака, Киото, Никко, Нагасаки, при этом вёл регулярную переписку с П.П. Семёновым-Тян-Шанским, В.В. Радловым и Л.Я. Штернбергом, отчитываясь о ходе командировки и комментируя обстоятельства собирания некоторых предметов [Дударец, Латышев, 2002, с. 137–145; Дударец, 2006, с. 28–37].

Представляется, что данную коллекцию В.Л. Серошевский целенаправленно собирал именно по просьбе Л.Я. Штернберга, который получил возможность лично посетить Японию лишь за год до смерти, в 1926 г., когда был командирован в Токио для участия в III Тихоокеанском научном конгрессе. Собственно говоря, сама постановка вопроса о приобретении предметов фаллического культа неразрывно связана с научными интересами Л.Я. Штернберга, который по крупицам собирал репрезентативные образцы «пережитков» архаичных культов, сохранившихся у народов Восточной Азии и Сибири, в т.ч. – культов фаллических, рассматривая их как один из характерных для большинства народов этого региона реликтов так называемой первобытной религии.

Научный интерес Л.Я. Штернберга к теме японских фаллических культов подтверждает и то обстоятельство, что в статье «Фаллический культ» для «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (где Штернберг выступил автором первой её части) есть следующий абзац: *«Типической страной Ф. культа, сохранившегося, несмотря на запрещения, до настоящего времени, является Япония. По шинтопатической космогонии даже самые острова япон. архипелага представляют собою не что иное, как гигантские Ф., созданные Ф.-ами. Реальные изображения Ф. и Ктеис находим в божницах, на дорогах»* [Штернберг, 1902, с. 268].

Собранная В.Л. Серошевским коллекция «по фаллическим культам» поступила в МАЭ 17 ноября 1904 г. и была зарегистрирована Б.Ф. Адлером под номером 831. Коллекция изначально состояла, как указывалось в описи, из «8 номеров и 13 предметов». Однако, по нашим подсчётам, реальное число предметов (единиц хранения) – 21. Опись коллекции была составлена Б.Ф. Адлером²:

«1) Каменный glans penis (обломок)

² Здесь приводится оригинальный список Б.Ф. Адлера.

2) Картина в свитке, изображающая приключения рыбаков на о-ве Шикоку – к фаллическому культу.

3/6) Шесть картин на рисовой бумаге, изображающие сцены полового извращения

4) Книжка с текстом и иллюстрациями. Сказание об жестокой демонице³

5) а) Деревянная божничка⁴ для фаллического культа

б) Внутри четырёхугольный ящичек

с) внутри ящичка: с) *glans penis* из камня

д) женский половой аппарат (оба [в] жёлтых тряпочках)

б) Алтарь к культу лисицы Инари-сан

а) Чёрная лакированная божница с божеством Инари-сан, ниспосылающим сумасшествие⁵

б/2) Две белых лисицы из дерева на позолоченной подставке

с) Гохей⁶ на чёрной лакированной палочке

д) Деревянный ящик для всего алтаря

7) а) Круглый камешек...

б) Подставка – *продырявленный камешек*» [Опись 831, л. 1].

На настоящий момент 6 предметов этой коллекции оказались выведенными из собрания МАЭ, а именно: № 4 («книжка»); № 5а («божничка»); № 5б («четырёхугольный ящичек»); № 6а («божничка с божеством, вызывающим сумасшествия», передана в Музей истории религии); № 6с («гохей на чёрной лаковой палочке»); № 6д («ящик для всего алтаря»). Как представляется, они были в числе тех 427 предметов из собрания МАЭ, переданных в 1930 г. В.Г. Богоразом для «Антирелигиозной выставки» в Государственном Эрмитаже, и которые в большинстве своём так и не были возвращены в МАЭ [Михайлова, 2010, с. 91]. Таким образом, из оригинального состава коллекции В.Л. Серошевского в МАЭ осталось лишь 6 номеров (14 предметов / единиц хранения).

Часть коллекции представлена сакральными объектами фаллических культов. Так, в г. Хакодате Серошевский приобрёл комплект из камня фаллоидной формы (природного происхождения) и керамической «ктеис» (соответственно, МАЭ №№ 831-5/1,2), которым дал следующее описание: «*Ва-го(н)-дзин*» или «*конго(н)-дзин*» – «*божество согласно жителям*». Каменные изображения мужского и женского половых органов, завёрнутые в вату и жёлтые холстинки, в квадратном деревянном ящике, вставленном в створчатую божницу.

Замечания: Очень редкий экземпляр. Естественные фаллические изображения очень ценятся японцами. Они им только и поклоняются как проявлениям божественного творческого начала. Искусственные изображения легче добыть, хотя они встречаются всё реже и реже. Это, несомненно, вымирающий культ. Господствующие религии шинто и

³ Предмет не идентифицирован.

⁴ По-видимому, под «божничкой» понимается *дзуси* – 厨子 футляр с открывающимися дверцами для помещения фигурки божества или иконы.

⁵ В японской традиции насыпать на людей сумасшествие способны разные синтоистские божества и демонические существа.

⁶ Гохэй 御幣 – синтоистский ритуальный жезл в виде полосок белой бумаги, прикрепленных к деревянному стержню.

буддизм относятся к нему отрицательно и полиция его преследует» [Опись МАЭ № 831, Л. 2]⁷.

Ещё один каменный фаллос большего размера⁸ (МАЭ № 831-1) был приобретён собирателем в г. Никко: «Предмет и название: «Кон-сей-сама» (Токио) – «душа – семя – властелин», или «До-со-дзин-сама» (Сендай) – «душа – прародитель – властелин»⁹, каменный фаллос, обломок.

Замечания: Этот фаллос взят мною самолично с алтаря фаллического храма, открытого мною случайно в Никко, вблизи гробницы Иеясу, у дороги под горою. Там было ещё много фаллюсов, некоторые громадных размеров, все каменные» (Опись МАЭ № 831, Л. 3).

Каменный фаллос (обломок).
(МАЭ № 831-1)

Керамическая фигурка ктеис.
(МАЭ № 831-5/2)

⁷ Из этого набора сохранились только сами культовые артефакты (фаллос и ктеис), а сопровождающие их аксессуары – «холстинки», вата, ящик и «божничка» (т.е. футляр *дзуси*) утрачены. Размеры фаллоса – длина 10,2 см, ширина 7,5 см, толщина – 6,0 см; ктеис – длина 13,1 см, ширина – 9,7 см, толщина – 6,1 см.

⁸ Длина – 12,8 см, диаметр макс. – 8,9 см.

⁹ Действительно, в разных районах Японии фаллические артефакты обозначаются разными словами, например: 塞神 *саэ-но ками* («божество запретного места»; оно же 岐の神 *фунадо-но ками* или *кунадо-но ками*); 和根 *вагон* («корень гармонии») или ономим 笑根 («смешной корень»); 金精様 *консэй-сама* («господин золотого семени»); 御駒様 *окома-сама* («господин божественного коня»); 道祖神 *досодзин* («божество перекрестка дорог», иначе – «божество странствий»). Японским аналогом «ктеис» также могут выступать разные термины – например, 膾 *тицу* («влагалище»); также в ходу игра слов *тимата* 岐 «перекрестье межей» или «перекрёсток двух дорог (место для установления фигурок *досодзин*) – и ономим 地股 – буквально «промежность земли». Соответственно, изображения мужских и женских детородных органов называют 岐彦 *тимата-хико* (буквально – «господин / принц перекрёстка») и 岐姫 *тимата-химэ* («госпожа / дева перекрёстка»).

Согласно этому описанию, предмет был просто взят собирателем с алтаря одного из синтоистских святилищ в комплексе Тосёгу в г. Никко. Этот комплекс синтоистских святилищ, буддийских храмов и почитаемых природных объектов был устроен вокруг усыпальницы Токугава Иэясу (1543–1616), основателя династии сёгунов Токугава, и посвящён его памяти; в настоящее время многие объекты комплекса получили статус Национального достояния Японии. К великому сожалению, собиратель не указал названия конкретного святилища, откуда был изъят им сей предмет, а также сопутствующие обстоятельства приобретения¹⁰.

В эту коллекцию входят также ещё два предмета (МАЭ №№ 831-7/1,2), обозначенные в описи как: «а) *Круглый камешек. По понятиям японцев, яичко богини плодородия. Из расселины скалы близь Нагасаки, почитаемой за богиню, выкатывают округленные камни. Женщины, страдающие бесплодием, собирают их и ставят на другой камешек, молясь им.* б) *Подставка – прордырявленный камешек*» [Опись МАЭ № 831, Л. 1]¹¹.

Данный комплект из двух камешков – «мужского» (овальной формы) и «женского» (бесформенного, с острыми краями и естественным сквозным отверстием), несмотря на их незамысловатость, следует также рассматривать как этнографические раритеты – магические аксессуары весьма архаичного локального обряда моления о даровании чада. Ещё раз приходится сожалеть (особенно принимая во внимания разрушения в результате американской атомной бомбардировки Нагасаки 9 августа 1945 г.), что собиратель привёл очень краткое и довольно аморфное описание использования этих аксессуаров и не предоставил никаких сведений о самом обряде (его структуре, участниках, конкретном месте и времени проведения, сопутствующих молитве действиях, имени вызываемого божества и т.д.)¹².

Серошевский включил в состав своей коллекции и две статуэтки белых лисов¹³, которые входили в состав утраченного комплекта «Алтарь к культу лисицы» [Опись МАЭ № 831, Л. 1]; один из лисов в пасти держит ключ от рисового амбара, другой – волшебный шар («жемчужину») *тама*. Эти белые лисы являются спутниками божества риса *Инари-сама* (稻荷様, «божество, приносящее рис»), которое изображается, как правило, в виде старца с рисовыми снопами.

В коллекции Серошевского представлены предметы, связь которых с фаллическими культурами уже не столь очевидна, но, тем не менее, имеет место.

Особый интерес с точки зрения визуализации японской «фаллической экзотики» традиционными техниками представляет собой свиток с номером МАЭ № 831-2 –

¹⁰ Этот факт наглядно показывает, как в Японии изменялось отношение к предметам фаллического культа. Если в самом начале XX в. изъятие священного предмета прямо с алтаря не вызывало со стороны служителей святилища противодействия (что подтверждает сообщения собирателя о преследовании культа со стороны светских и духовных властей), то в настоящее время подобное деяние абсолютно недопустимо и немислимо.

¹¹ Так эти предметы представлены в описи коллекции Б.Ф. Адлером – как можно предположить, по несохранившимся описаниям В.Л. Серошевского. Размеры овального камешка: длина 3,4 см, ширина – 2,9 см, толщина – 2,0 см; камешка с отверстием – соответственно, 5,0×3,2×2,2 см.

¹² Считается, что нерукотворные фаллические объекты почитаются прежде всего как «гаранты» здоровья людей и фертильности женщин, в то время как рукотворные более связаны с молениями об урожае [Quehada, 1989, p. ii].

¹³ Современные номера МАЭ № 831-6/1 и МАЭ № 831-6/2 соответственно. Фигурки на пьедестале, вырезаны из дерева и окрашены белой краской, а также золотым и красным лаком. Имеют небольшие повреждения и утраты. Размеры фигурки лиса с ключом – 13,2×8,6×6,0 см; лиса с шаром – 13,4×8,6×6,0 см.

«Путешествие на Остров Женщин» (女護島絵巻 *Нёгогасима эмаки*) работы неизвестного художника нагасакской школы¹⁴ середины XIX в., выполнен в технике живописи на бумаге.

Свиток представляет собой нарратив из последовательно разворачивающихся 14 сцен. На восходе солнца трое молодых людей (один из которых – буддийский монах) отправляются на лодке на морскую рыбалку. Вокруг много других рыбацких лодок. Море спокойное, и ничто не предвещает надвигающегося урагана (Сцены 01-02). Неожиданно начинается сильный шторм, огромные волны топят суда (очевидны аллюзии с «Большой волной в Канагава» Кацусика Хокусай). Молодые люди пребывают в ужасе и прячутся на дне лодки (Сцена 03). Морские волны выносят лодку на берег неизвестного острова – это «Остров женщин». Молодых людей встречает группа женщин (несколько молодых и одна очень пожилая), чья манера одеваться явно отличается от принятой в Японии. Пожилая женщина ведёт их во дворец правительницы. Правительница выглядит несколько озадаченной и смущённой, ибо никогда не видела мужчин, и пожилая женщина просит гостей продемонстрировать то, чем мужчины отличаются от женщин (Сцены 04-05).

Неожиданное появление мужчин – большое счастье для обитательниц Острова; они спешат воспользоваться случаем и вслед за правительницей приглашают их заняться любовью. Здесь изображён интерьер спальных покоев правительницы, выдержанный в эклектичном стиле – как с китайскими, так и с японскими чертами. При этом алтарь, антураж интерьера, детали пейзажа (изображённые как на ширмах в покоях дворца, так и за пределами последнего) имеют акцентированный «фаллический характер». Так, на алтаре среди прочих аксессуаров установлены символизирующая «женское начало» цитра *кото* и вотивные фаллосы *ёбуцу* 陽物 (буквально – «солнечная вещь», «вещь мужского начала», «вещь энергии Ян»); «мужскую силу» символизируют также фаллоидной формы грибы, скалы, птички в виде фаллосов с крылышками; «женское начало» – пионы, пещерки, декоративные камни с щелевидными сквозными отверстиями (Сцена 06).

Фрагмент свитка эмаки «Путешествие на Остров женщин».
(МАЭ № 831-2)

¹⁴ Имеется в виду, что свиток не имеет ни подписи, ни печатей художника, ни каких-либо иных ссылок на мастерскую. В.Л. Серошевский указал в качестве места приобретения г. Нагасаки. Размеры свитка: 854×26,2 см.

Далее следует несколько эротических сцен, изображающих основные «копулятивные позиции» для разных ситуаций, в том числе и с участием сразу нескольких партнёров. Эти изображения служили своеобразными «наставлениями» для посетителей «ивовых кварталов», а также предупреждением о том, что чрезмерность в плотских утехах весьма вредна для мужского здоровья и может иметь самые печальные последствия, о чём прямо говорят последующие сцены свитка (Сцены 07-11).

В конце концов, молодые люди обессилены и погружены в уныние и меланхолию; весьма удручённые этим, обитательницы Острова пытаются растормошить их и восстановить их мужскую силу лекарственными препаратами. Пожилая дама делает оздоровительный массаж, но всё тщетно (Сцены 11-12). Опасаясь безвременной смерти, молодые люди в панике бегут к своей лодке, намереваясь покинуть Остров. Вместе с ними Остров покидает и «мужская сила», изображённая в виде стаи крылатых фаллосов. Покинутые женщины тщетно пытаются вернуть беглецов (Сцены 13-14).

Фрагмент свитка эмаки «Путешествие на Остров женщин».
(МАЭ № 831-2)

В.Л. Серошевский так комментирует данный предмет: *«Приключения трёх рыбаков из Нагазаки, попавших на о. Сикоку. Остров Сикоку славен как центр фаллического культа. Там самые крупные остатки храмов и фаллических изображений. Интересны на рисунке изображения скал и деревьев, они встречаются там, где правительство, преследующее фаллический культ, не успело их уничтожить»* [Опись МАЭ № 831, Л. 4].

Примечательно, что В.Л. Серошевский называет место приобретения свитка – г. Нагасаки, в период Эдо выступавшего в роли японского «окна в Европу» в частности и во внешний мир – в целом. Подобные произведения представляли своеобразную «визитную карточку» Нагасакской локальной школы живописи, специализировавшейся на изображении сюжетов, экзотических для токугавской Японии – редких иностранных гостей (китайцев, голландцев, корейцев, русских) и их кораблей; разнообразных фантастических существ и «заморских» чудищ; а также куртизанок и эротических сцен, в т.ч. – с участием чужеземцев. Таким образом, свиток был ориентирован на «внутреннего пользователя», а не на иностранцев.

Что касается утверждения В.Л. Серошевского, что «Остров женщин» – это о. Сикоку (на котором Серошевскому побывать не довелось), то это – очевидное заблуждение собирателя. Сказочный *Нёгогасима* (называемый японцами также *Нёгоносима*, или *Нёгоку*)

находится не в этом мире, а в пространстве мифа, легенды. При этом известны старинные (как правило, XVII в.) китайские, корейские и японские энциклопедии, где упоминается «Страна женщин» [Moerman, 2009, p. 350–381]¹⁵ и географические карты, где она изображается. Иногда её помещают прямо на северо-восточное побережье о. Хонсю, но чаще – на отдельный «Остров женщин» на некотором удалении от Японского архипелага.

В японском восприятии «сила любовной страсти» сродни проявлению демонических («хтонических») сил¹⁶ и выходит за границы рационального миропонимания. Подверженный этой страсти человек порою очень напоминает одержимого демонами – или даже сам превращается в одну из разновидностей *ёкай* – демонических существ, чрезвычайно опасных для социума. В связи с этим примечательно, что «Остров женщин» помещался, как правило, рядом с «Островом демонов» (*Расэцукоку* 羅刹国 – «Страна ракшасов»). На последнем якобы обитают демонессы-каннибалы, безжалостно пожирающие попадающих туда мужчин [Moerman, 2009, p. 350–381]¹⁷. Этот сюжет, восходящий к буддийским джатакам индийского происхождения, был распространён в различных вариациях в странах «буддийского ареала».

Посещение Острова женщин, связанное с огромным риском для жизни путешественника, стоит в ряду фантастических сюжетов, где обыгрываются драматические и даже трагические любовные истории. Подобные сюжеты как заимствованные, так «автохтонные», всегда были чрезвычайно популярны в японской литературе и искусстве¹⁸.

Распространению представления о существовании «где-то очень, очень далеко от Японии» острова, населённого женщинами-«амазонками», способствовали анонимные повести *сэцува* (возникшие ещё в период Нара) и *отоги-дзоси* (период Муромати). Но особенно популярной тема «Путешествия на Остров женщин» стала в период Эдо, когда в крупных городах Японии (Эдо, Осака, Киото, Нагасаки) знаменитые «кварталы красных фонарей» (фактически – самые настоящие «острова женщин») стали неотъемлемой частью так называемой культуры городского сословия. Изображения населяющих их красавиц, «одаривающих» любовью посещающих их кавалеров, стали одной из главных тем гравюры и живописи (жанр *сюнга*), авторских рассказов *укиё-дзоси*, драматургии театров Кабуки и Дзёрури-Бунраку, поэзии в жанрах *хоку* и *сэнрю*.

Из литературных произведений, затрагивающих тему Нёгогасима, весьма примечательна анонимная повесть времён позднего Муромати – «Ондзоси симаватари», о приключениях легендарного самурая Минамото Ёсицунэ (выступающего под псевдонимом «Ондзоси»). Сопровождаемый монахом Бэнкэй и преданными воинами, он совершил

¹⁵ Так, Moerman приводит данные 60-томной энциклопедии «Сань цай ту хуэй» 三才圖會 («Собрание иллюстраций трёх основ: [Неба, Земли и Человека]»), составленной в 1609 г. Ван Ци, где упоминается «Страна женщин (女国)», находящаяся где-то в юго-восточных морях, и что женщины производят там потомство, подставляя свои «потаённые места» южному ветру. Об этой земле поведали моряки, некогда занесённые туда бурей; они чудом спаслись, обманув женщин и украв у них лодку, на которой и добрались обратно домой). Эти сведения затем повторялись в различных японских энциклопедиях периода Эдо, наряду с упоминаниями о землях, населённых прочими демоническими существами.

¹⁶ Иллюстрацией тому может служить и миф об Идзанами и Идзанаги, божественных прародителях Японских островов.

¹⁷ Это сюжет был отражён в одном из свитков «Хэйкэ но кё» (иллюстрированные в стиле *ямато-э* нарративные свитки буддийских сутр, выполненных членами семьи Тайра и пожалованные в 1164 г. святилищу Ицкусима главой дома Тайра Киёмори).

¹⁸ Такие сюжеты встречаются и в первых письменных памятниках Японии – «Кодзики» (712 г.) и «Нихон сёки» (720 г.). Много таких сюжетов легло в основу произведений в жанре *кайдан*.

путешествие по «северным островам»¹⁹, каждый из которых был населён фантастическими существами – различными демонами и чудовищами, карликами, людьми-лошадьми, людьми-собаками, длиннорукими, длинноногими, голыми людьми, айнами²⁰ и т.д. Попал Ёсицунэ и на Остров женщин. Там встретившие его девушки и одна пожилая дама сообщили, что несколько столетий назад на Остров случайно забросило бурей трёх мужчин²¹; их обитательницы Острова убили, чтобы души их стали хранителями Острова; и что Ёсицунэ со спутниками уготована та же судьба. Также женщины поведали, что производят на свет девочек, вдыхая Южный ветер. Ёсицунэ удалось благополучно бежать с Острова, обманув женщин обещанием привести для них целое войско из ста тысяч молодых воинов, отправленных на усмирение Кореи, чтобы каждая женщина смогла выбрать себе мужа [Торопыгина, 1994, с. 68, 69].

В качестве другого примера упоминания Острова женщин можно отметить рассказ 1682 г. известного писателя XVII в. Ихара Сайкаку *Косёку итидай отоко 好色一代男* – «Мужчина, предавшийся любви» (или «Мужчина, несравненный в любовной страсти») о богатом купце Ёноскэ, который жил ради чувственных утех и к 60 годам соблазнил 3742 женщин и 725 мужчин. Под конец жизни Ёноскэ отправляется в Нагасаки, снаряжает корабль «Сладострастие» (好色丸 *Ёширо-мару*) и отправляется на поиски «Острова женщин» [Inaga, 1963, p. 231–232].

Также известно много анонимных юмористических стихов-*сэнрю*, сохранившихся с времён периода Эдо (XVIII – XIX века), где высмеивается Остров и его обитательницы, занимающиеся любовью с южным «ветром, заменяющим мужчину»²² – 男なければ風 *отоко-накэрэба кадзэ* [Gill, 2007, p. 361].

Аналогичный сюжет существует и в айнском фольклоре. Так, Л.Я. Штернберг в своей работе «Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора», в главке «Женщины с *vagina dentibus armata*» приводит историю о группе айнских рыбаков, которых сильным ветром унесло на неведомый берег, где они обнаружили селение женщин. Рыбаки остались у них на ночёвку; ночью мужчины пытались заняться с ними любовью, и некоторые погибли

¹⁹ Фактически, в этой повести изображён классический сказочный «тур» героя по «демоническим мирам», отражающим архаическую протояпонскую («аустронезийскую») «горизонтальную модель» мироздания.

²⁰ Согласно японским представлениям, айны также обладали рядом «демонических» черт – от специфического облика до приписываемого им умения «выдыхать туман» для скрытного нападения на японские форпосты.

²¹ Примечательно, что в пьесе драматурга Тикамацу Мондзаэмон «Сюнкан: Остров женщин дома Тайра (Сюнкан: *Хэйкэ нёгоносима 平家女護島*)» 1719 г. называются имена этих несчастных: самураи Фудзивара Нарисунэ, Тайра Ясуёри и монах Сюнкан. Эти персонажи заимствованы из «Повести о доме Тайра» (где эти три мужчины обвинены в заговоре против диктатора Тайра Киёмори и в 1171 г. высланы в ссылку на дальний дикий остров [Тикамацу, 1982].

²² Robin D. Gill в своей работе «The Woman Without a Hole – and Other Risky Themes from Old Japanese Poems» приводит целый таких стихов с переводом на английский язык, например:

– 女護島が惣開帳は南風 *Нёгогасима га со:кайтё:-ва минами кадзэ* – «[когда приходит] Южный ветер, Остров женщин [открывает] «занавеси святилища»

– 大風のうわさ女護の乳母は待ち *О:кадзэ-но уваса нё:го-но уба ва мати* – «Услышав о «большом ветре», няньки Острова женщин ждут [раздвинув ноги]»

– 南風女護島では舟を出し *Минами кадзэ нё:гогасима дэ ва фунэ-о даси* – «Южный ветер гонит лодки на Остров женщин»

– 股座のしめる女護の南風 *Матакура-но симэрунё:го-но минами кадзэ* – «Увлажняющий промежности южный ветер Острова женщин» [Gill, 2007, p. 362].

странной смертью, ибо у женщин в «потаенном месте» росли зубы²³. Утром мужчины узнают, что эти женщины принадлежат «хозяину ветра», и что айну должны немедленно покинуть селение, ибо там нет места людям. Айны, отплывая, увидели: «юго-восточный ветер поднялся, женщины встали, к самому берегу моря спустились, у самой воды стали, полы подняли, свои vulva водой брызгали, к ветру подкачивались» [Штернберг, 2008, с. 159–160].

Тема «Острова женщин» была весьма популярной в живописи и гравюре периода Эдо. Известно много вариантов свитка «Нёгогасима-эмаки» в музейных и частных собраниях. Так, в собрании Британского музея есть стилистически очень похожий живописный свиток-эмаки работы неизвестного художника, где отражено большинство сцен, представленных в свитке МАЭ № 831-2, но выполненный на шёлке. Датирован также серединой XIX в. [Clark et al., 2016, p. 196, 360].

К этой теме обращались и многие мастера гравюры укиё-э, работавшие в жанре сюнга, например – Утагава Кунимару 歌川國麿 (работал в 1830–1870 гг.) создал в соавторстве с Инсуй Содзин Намэясу 姪水騒人嘗安, автором текстов, серию гравюр *Нёгоносима такарано ирифунэ* 女護島宝之入り舟 – «Корабль драгоценностей, прибывающий на Остров женщин»²⁴.

Примечательно, что стилистика изображения «Острова женщин» имеет характер традиционной карикатуры (*giga* 戯画), чем очень близка к карикатурным жанрам *ё:буцу курабэдзу* 陽物較べ図 (буквально – «изображения состязаний фаллосов» – публичная демонстрация придворными кавалерами и дамами гениталий с обязательным их обмером и фиксацией результатов), *кати-э* 勝絵 («картинки победы» – т.е. довольно жестокие сексуальные битвы-оргии с последующим награждением победителей и лечением пострадавших). Подобные произведения в карикатурной форме отражают специфические «ритуалы», якобы имевшие место в жизни придворной аристократии периодов Нара, Хэйан и Камакура²⁵. Известно несколько свитков работы художников разных школ живописи (в т.ч. школ Кано, Госа, Маруяма-Сидзё и др.) периода Эдо, где в манере «эротического гротеска» изображены подобные закрытые придворные игрища²⁶ [Yano Akiko, 2016b p. 62–73]. Некоторые из этих свитков позиционируются как копии – или копии копий намного более ранних свитков. Среди таких копий периодов Эдо и Мэйдзи есть несколько свитков-пародий на *Нэнтю: гё:дзи эмаки* 年中行事絵巻 – «Свитки, изображающие годовые [придворные] церемонии и ритуалы»; в качестве автора оригинального несохранившегося свитка-пародии

²³ Этот мотив о смерти мужчин от *vagina dentata* можно рассматривать как вариацию мотива пожирания мужчин женщинами-демонессами на острове Расэцукоку и мотива о смерти мужчин от сексуального истощения на Острове женщин.

²⁴ Эта серия, изданная в 1848–1850 гг. и оформленная в виде книги (два тома), представлена, например, в собрании Honolulu Art Museum.

²⁵ О разновидности подобных ритуалов писал и В.М. Мендрин во II томе своей фундаментальной работы «История сёгуната в Японии (Нихон гайси)» ссылаясь на *Удзи сю:и моногатари*, письменный памятник начала периода Камакура. Он указывал, что «порнологический элемент» исполнявшихся перед императором ритуальных придворных танцев Кагура (задириание танцорами одежд и демонстрация «сокровенных мест», имитировавшая ритуальное оголение божества Амэ-но удзумэ, спутницы Аматаэрасу-но оомиками), имел целью «позабавить богов», т.е. служил специфической формой религиозного синтоистского действия [Мендрин, 1999, с. 386].

²⁶ Элементом таких состязаний (а иногда и отдельной темой) выступает и *хо:хи-гассэн* 放屁合戦 – шуточные «сражения» команд, «обстреливающих» друг друга кишечными газами.

предполагается Тоба Содзё, знаменитый монах-художник периода Камакура (XIII в.)²⁷, известный также как Какую [Yano Akiko, 2013, p. 59–82].

Одной из важнейших функций артефактов фаллических культов было провоцирование ритуального смеха, что отразилось и в одном из названий этих предметов – 笑い物 *вараимоно* («предмет, вызывающий смех»). Свиток *Нёгогасима-эмаки* можно рассматривать как разновидность 笑い絵 *вараи-э* «картинки для смеха», ибо он не только иллюстрирует определённые аспекты японского фаллического культа, но и сам выполняет функцию «провокатора ритуального смеха». А смех приятен не только людям, но и божествам Синто, также как сакэ и любовная близость. В целом, изображения сцен соития, в т.ч. выполненных в юмористическо-гротескном ключе, в традиционной Японии рассматривались прежде всего как благопожелательные символы торжества «жизненной силы» и могли выступать в роли подношения синтоистским святилищам или ценного подарка по случаю каких-либо торжеств (свадьба, повышение по службе, юбилей), а также в качестве подарка дипломатического – например, есть сведения, что несколько книг *сюнга* были преподнесены в 1804–1805 гг. в Нагасаки от японской стороны Н.П. Резанову, главе второго русского посольства в Японию, и сопровождавшего посланника адмиралу И.Ф. Крузенштерну²⁸, а в 1854 г. – представителями сёгуната Токугава американскому коммодору М. Перри по случаю подписания первого договора между Японией и США в Канагава [Bru, 2013, p. 479].

В коллекции МАЭ № 831 присутствуют также шесть картинок-карикатур («эротических гротесков») на отдельных листах (МАЭ № 831-3/1-6), визуализирующих некоторые маргинальные особенности гендерной культуры японцев и потому названных собирателем «картинками полового извращения». Все изображения выполнены японскими цветными красками на бумаге *васи*, в одном стиле со свитком «Остров женщин» и примерно того же периода. Собиратель не назвал место приобретения, но можно предположить, это – также Нагасаки. Все шесть листов одинакового размера, 40×28 см.

На двух листах (МАЭ № 831-3/1,2) изображены сцены гомосексуальной близости. На обратной стороне одного из листов В.Л. Серошевский сделал приписку: «Япония: 6 картин полового извращения. По словам японцев, на одном из островов Японского моря педерастия – явление самое обыкновенное»²⁹, на другом листе – лаконичный комментарий: «Педерастия». Из них более примечателен первый лист, где весьма натуралистично изображено соитие монаха (активный партнёр) и юноши (пассивный партнёр); в среде японских буддийских монахов гомосексуализм по известным причинам был весьма распространен. В японской литературе, как традиционной, так и художественной, есть много сюжетов, о том повествующих [Судзуки, 2004б с. 859–860]; эти сюжеты нашли соответствующее отражение

²⁷ Так, в коллекции Museum of Fine Arts, Boston, хранится свиток *эмаки* «*Ко:кэн тэй монко югэ но До:кё: кэнсэй но дзу*» 孝謙帝の門子弓削の道鏡憲政の図 с изображением подобного состязания-оргии работы Утагава Тоёкуни III (Кунисада) середины – второй половины XIX в. – якобы копии не сохранившейся оригинальной работы Тоба Содзё. В этом свитке в карикатурном виде изображены игрища при дворе императрицы Кокэн 孝謙 (Сётоку), состоявшей в любовной связи с монахом Докё 道鏡, который пытался узурпировать власть в 769 г. В свитке обыгрывается анекдот, что Докё получил власть благодаря тому, что выиграл устроенное императрицей Кокэн «состязание фаллосов». Эти карикатуры копировались также художниками периода Мэйдзи.

²⁸ Дальнейшая судьба этих подарков не известна.

²⁹ Можно добавить, что гомосексуализм как «явление самое обыкновенное» воспринимался не только на некоем безымянном острове, а по всей традиционной Японии.

(в т.ч. карикатурное) и в изобразительном искусстве, прежде всего в жанре *сюнга*. Существовали даже специальные книги советов для монахов по привлечению к однополый любви молодых послушников. Так, в собрании Британского музея есть иллюстрированная книга *Тиго-но соси 稚児之草紙* («Книга послушников»³⁰), изображающая 18 соответствующих сцен с комментариями, представляющая собой копию второй половины XIX в. хранящегося в монастыре Сангодзи (Киото) оригинального свитка 1321 г. [Yano Akiko, 2016, p. 66]. Традиция японского буддизма причисляет к «столпам» монашеского гомосексуализма даже таких патриархов, как Кукай (Кобо Дайси), Сайтё (Дэнгё-Дайси), Иккю Содзюн и др. [Neil, 2009, p. 270–273]. Возможно, данная картинка является аллюзией к довольно часто изображавшимся «отношениям» упомянутых выше Минамото Ёсицунэ и его вассала монаха *ямабуси* по имени Бэнкэй.

На листе МАЭ № 831-3/3 изображён пожилой небритый мужчина (явно представитель низов общества), за ширмой самозабвенно предающийся любви с «куклой», тулово которой наспех сооружено им из свернутой в рулон подстилки *футон*, а голова куклы – гравюра с изображением куртизанки в манере *окуби-э*. Из-за ширмы за ним наблюдает смеющийся монах.

Лист МАЭ № 831-3/4 – сцена куннилингуса (мужчина и куртизанка); куртизанка при этом смотрит на своё отражение в зеркале, на обратной стороне которого, повернутой к зрителю, выведены контуры Отафуку (Окамэ-сан)³¹ или Химэ-Дарума³².

Оставшиеся два листа (МАЭ № 831-3/5,6) изображают половые контакты с животными. В жанре японских эротических пародий-гротесков эта тема также занимает довольно значимую нишу. Традиционное японское религиозное представление склонно рассматривать всех животных как природных божеств, коим несть числа; а особо крупных представителей животного мира – как более значимых божеств – хранителей рисовых полей, гор, лесов, водоёмов и т.д., и приписывает им сверхъестественные свойства. В виде животных в определённых случаях могут являться людям и божества синтоистских святилищ, в т.ч. – вступать с людьми в брачные отношения. Животные также могут быть оборотнями с акцентированной коитальной функцией – особенно изображённые на этих двух листах змей, лис *кицунэ* и «барсук» *тануки* (подробнее об этом см. [Синицын, 2010, с. 277–292; Ксенофонтова, 1981, с. 67–80].

На листе МАЭ № 831-3/5 изображена обнажённая женщина; её шею обвивает огромный змей, тянущийся раздвоенным языком к её «потаённому месту». На переднем плане – сидящий «по-японски» мужчина в официальном костюме *камисимо*; он повернут

³⁰ Слово *тиго 稚児* имеет два значения: 1) «мальчик – участник буддийского церемониала»; 2) «мальчик-педераст».

³¹ Окамэ-сан или Отафуку – одно из домашних божеств, сказочный персонаж, а также персонаж театра Кагура, где представлена соответствующая маска и амплуа. Обычно изображается в виде весьма полной и весьма любвеобильной женщины, склонной к выпивке и разнообразным сексуальным проказам, часто изображение Окамэ-сан символизирует женский половой орган [Синицын, 2008, с. 80]. Возможно, что в этом контексте можно говорить о применении приёма *митатэ* – совмещение героя сюжета с героем японской литературы или мифологии; в данном случае художник иронизирует над проституткой явно не очень высокого уровня, которая при этом ощущает себя «богиней любви».

³² Травестированный образ патриарха Дарума (санскр. Бодхидхармы), исторического персонажа, основателя традиции чань-буддизма в Китае; соответственно, «Химэ-Дарума» – «Бодхидхарма в женском варианте». Химэ-Дарума – популярная традиционная японская кукла-неваляшка, обычно – в паре с куклой «самого» Дарума; также является иносказательным обозначением проститутки.

к женщине спиной, но указывает в её сторону сложенным веером *оги*. Данная сцена пародирует «театрализованное представление», однако заметим, что в реальности подобных представлений в Японии не было, хотя бы потому, что такие крупные змеи там не водятся. Однако в произведениях японской средневековой литературы сюжет о связях гигантских змеев с женщинами и змей-чудищ с мужчинами нашёл довольно широкое отражение³³.

На листе МАЭ № 831-3/6 показана сцена половой связи человека неопределённой гендерной принадлежности с «барсуком» *тануки* и белой лисицей *кицунэ*. Цвет последнего вызывает аллюзии к лисам – спутникам божеством *Инари-сама* – не случайно, что Серошевский включил в состав этой коллекции и две статуэтки этих лисов. Что же касается коитальных функций лисов и лисиц и их связей с людьми, то японская литературная традиция изобилует подобными примерами, в частности, заимствованными из Китая. Эти же мотивы очень широко представлены и в японском изобразительном искусстве, в том числе в манере *вараи-э*.

Лист с изображением сцены коитуса человека с лисом и тануки.
(МАЭ № 831-3/6)

Таким образом, данная коллекция является результатом целенаправленного тематического собирательства – и первой в отечественной этнографической науке подборкой раритетов, позволяющих визуализировать довольно широкий спектр традиционных японских фаллических культов и культов плодородия. Коллекция была собрана в период упадка интереса японского общества к своей старой культуре, благодаря чему многим

³³ Например, этой теме посвящены такие рассказы *сэцува* IX–XI веков в сборнике *Нихон рёки* (Японские легенды о чудесах), как «Слово о воздаянии в этой жизни за освобождение краба и лягушки» [Японские легенды о чудесах, 1984, с. 157–158], «О распутнице из округа Муруно земли Каи» [Японские легенды о чудесах, 1984, с. 120–121], «Как огромный змей обесчестил девушку и как она спаслась с помощью снадобий» [Мещеряков, 1981, с. 126–134]; подобные сюжеты о половых связях различных животных с людьми иллюстрируют и многие произведения традиционного японского искусства, в т.ч. и находящиеся в собрании МАЭ РАН.

собираателям, в том числе В.Л. Серошевскому, открылась уникальная возможность приобрести те предметы, которые в последующие периоды заполучить было бы гораздо сложнее или даже невозможно. В этом, в частности, и состоит специфика коллекции МАЭ № 831.

Составляющие её предметы позволили отечественным этнографам получить наглядное представление об особенностях японских фаллических культов не только лишь по текстовым описаниям, а и по конкретным оригинальным «носителям» фаллической культуры, а Музею антропологии и этнографии – возможность визуализировать соответствующую область японской традиции в своём экспозиционном пространстве.

Однако эта возможность была реализована лишь через 93 года после поступления коллекции. Проблема состояла в корректности позиционирования соответствующих феноменов из чуждой культурной парадигмы, символика, семантика и контекст функционирования которых весьма специфичны. У большинства посетителей музея как начала XX в. (а это были представители православной культуры с соответствующими строгими представлениями о нормах общественной морали), так и советской эпохи, сакральные для японцев аксессуары фаллических культов неизбежно вызывали бы совсем другие коннотации – более того, воспринимались бы как предметы откровенно провокативные и даже порнологические. Эта проблема так и не была решена в течении почти всего XX в., предметы из коллекции МАЭ № 831 были изъяты из экспозиционного оборота как «порнография», хранились в закрытом режиме, а впервые экспонировались лишь в 1997 г., уже после распада Советского Союза (и смены моральной парадигмы российского общества) – в рамках проводившейся в МАЭ РАН временной выставки «За пологом «Весеннего дворца» (культура любви в традициях народов Восточной Азии)»³⁴.

Примечательно, что сложившиеся в традициях разных народов представления о том, какие феномены этнической культуры – и, особенно, связанные с культами плодородия и фаллическими культами – достойны или возможны для открытой визуализации в публичном пространстве, а какие – уместны лишь в режиме ограниченного доступа или же не уместны вовсе, весьма отличны. Более того, в разные исторические эпохи у одного и того же народа, иногда даже в течение жизни одного его поколения, эти представления могут существенно измениться. Так, организация указанной выставки в МАЭ РАН 1997 г. вызывала определённое беспокойство её организаторов относительно адекватности восприятия специфического контента посетителями музея. Однако выставка у абсолютного большинства отечественных посетителей всех возрастов (имело место возрастное ограничение – от 18 лет и старше) вызвала положительный отклик (свидетелем чего был лично автор статьи, непосредственно участвовавший в создании экспозиции и проводивший по ней экскурсии для разных категорий посетителей). Что касается редких японских посетителей, то эта выставка вызвала с их стороны живой интерес, сочетавшийся с некоторым удивлением: в Японии в конце XX в. подобные выставки не проводились. Первая публичная выставка искусства в жанре *сюнга* («весенние картинки») была устроена лишь в 2015 г. в музее Эйсэй Бунко в Токио [Exhibition of erotic Japanese art draws...] – и

³⁴ Ознакомиться с некоторыми экспонатами этой выставки можно на сайте МАЭ РАН, в разделе «Архив выставок в МАЭ» по следующей ссылке: http://www.kunstkamera.ru/museums_structure/sluzhby_i_podrazdeleniya/exhibitions_dep/exhibitions_archive/arhiv_vystavok/in_the_shade_of_a_spring_forest.

лишь после того, как в 2013–2014 гг. в Британском музее с успехом прошла выставка «Shunga: Sex and Pleasure in Japanese art»³⁵.

Следует также отметить, что коллекция В.Л. Серошевского впоследствии стимулировала и других сотрудников МАЭ к целенаправленному собиранию предметов, представлявших и другие аспекты японских фаллических культов и культов плодородия. Так, в собрании МАЭ РАН есть маски театра Кагура (МАЭ № 2072-311, 315, 316), привезённые в 1912 г. из Японии профессором А.И. Ивановым, которые собиратель изначально рассматривал в их связи с фаллическими культами [Синицын, 2008, с. 75–81]. Сам Л.Я. Штернберг в 1926 г. приобрёл в Японии обширную коллекцию культовых предметов и предметов быта, в составе которой есть несколько фигурок лисиц Инари и «священных барсуков» *тануки* с более или менее очевидными «фаллическими» акцентами [Кисляков, 2012, с. 84–88; Ксенофонтова, 1981, с. 67–80]. Некоторые из этих предметов (фигурки *тануки*, маски Окамэ-сан, Хёттако и Дайтэнгу) ныне экспонируются в зале Японии МАЭ РАН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дударец Г.И. «Пилсудский славный парень и прелестный, урождённый этнограф. У него прямо прирождённый талант...» (из переписки участников этнографической экспедиции 1903 года на Хоккайдо) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Научное и эпистолярное наследие Бронислава Пилсудского: поиски и находки. Южно-Сахалинск, 2006. № 10. С. 28–37.

Дударец Г.И., Латышев В.М. Экспедиция В. Серошевского и Б. Пилсудского на о. Хоккайдо в 1903 г. // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Научное и эпистолярное наследие Бронислава Пилсудского: поиски и находки. Южно-Сахалинск, 2002. № 6. С. 137–145.

Киддер Дж.Э. Япония до буддизма. Острова, заселённые богами. М.: Центрполиграф, 2003. 286 с.

Кисляков В.Н. Японские коллекции Л.Я. Штернберга, хранящиеся в МАЭ РАН // Лев Штернберг – гражданин, учёный, педагог. К 150-летию со дня рождения. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 83–91.

Ксенофонтова Р.А. Фольклорно-культовые образцы японской гончарной продукции начала XX в. // Материальная культура и мифология. Сборник МАЭ. Т. XXXVII. Л., 1981. С. 67–80.

Мендрин В.М. История сёгуната в Японии (Нихон гайси). М., СПб.: Российская гос. библиотека, Летний сад, 1999. Т. 2. 386 с.

Мещеряков А.Н. Легенды из «Нихон рёнки» // Народы Азии и Африки. М., 1981. № 3. С. 126–134.

Михайлова Е.А. Выставочный проект Музея антропологии и этнографии «Антирелигиозная выставка в государственном Эрмитаже» и его создатель В.Г. Богораз //

³⁵ При этом ритуальные предметы фаллических культов в японских музеях и экспозиционных пространствах соответствующего профиля экспонировались без каких-либо ограничений, и однозначно воспринимались всеми посетителями как исключительно этнографические объекты, не имеющие никакого отношения к области эротического искусства или порнографии.

Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 90–95.

Опись МАЭ РАН № 831, 1904 г.

Путешествие Ондзоси на острова // Гэндзи-обезьяна. Японские рассказы XIV – XVI вв. отоги-дзоси / пер. с яп. М.В. Торопыгиной. СПб.: Академический проект, 1994. С. 64–81.

Синицын А.Ю. Некоторые иллюстрации традиционных японских представлений о коитальных функциях животных-оборотней (По материалам японского собрания МАЭ РАН) // Маклаевский сборник. Вып. 3. Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и истории (статьи по материалам Маклаевских чтений 2007–2009 гг.). СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 277–292.

Синицын А.Ю. Три маски традиционного японского театра Кагура в экспозиции зала «Япония» и их связь с архаичными фаллическими культами // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 75–81.

Судзуки Сёсан. «О том, как похотливый монах обратился в змея» / пер. В.П. Мазурика // Тысяча журавлей. Антология японской классической литературы VIII–XIX вв. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 859–860.

Тикамацу Мондзаэмон. Сюнкан: Хэйкэ нёгоносима кикаигасима но ба итимаку : [Сюнкан. Остров женщин и остров демонов Дома Тайра, в одном действии]. Токио: Кокурицугэкидзё. 1982. 32 с.

Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гияцкокого языка и фольклора, собранные и обработанные Л.Я. Штернбергом. Т. 1. Образцы народной словесности. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1908. 232 с.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Л.: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. 603 с.

Штернберг Л.Я. Фаллический культ // Энциклопедический словарь. Т. XXXV. Изд. Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб, 1902. С. 268.

Японские легенды о чудесах (IX–XI вв.) / пер. с яп., пред. и ком. А.Н. Мещерякова. М.: Наука, 1984. 182 с.

Bru R. The Modern West's Discovery of Shunga // Shunga: Sex and Pleasure in Japanese Art. Ed. Timothy Clark et al. London: British Museum Press, 2013. P. 478–489.

Exhibition of erotic Japanese art draws 200,000 visitors // The Japan Times. URL: <https://www.japantimes.co.jp/culture/2015/12/25/arts/exhibition-erotic-japanese-art-draws-200000-visitors/> (accessed: 10.06.2019).

Gill Robin D. The Woman Without a Hole – and Other Risky Themes from Old Japanese Poems. N.Y.: Paraverse Press, 2007. 490 p.

Ihara Saikaku. The Life of an Amorous Man. Translated by Kenji Hamada. Rutland, Vermont, Tokyo: Charles E. Tuttle Publishing Company, 1963. 233 p.

Moerman M.D. Demonology and Erotism. Islands of Women in the Japanese Buddhist Imagination // Japanese Journal of Religious Studies. Nagoya: Nanzan Institute for Religion and Culture., 2009. Vol. 36/2. P. 351–380.

Neill J. The Origins and Role of Same-Sex Relations in Human Societies. Jefferson, London: McFarkand and Company Publishers, 2009. P. 270–273.

Quehada E. Phallic Worship in Japan: celebrating the Phallus. Toronto: University of Toronto, 1998. 90 p.

Shunga: Sex and Pleasure in Japanese Art. The British Museum. Edited by Clark T., Gerstle C.A., Ishigami Ashi, Yano Akikio. London: The British Museum Press, 2016. 536 p.

Yano Akiko. Historiography of the “Phallic Contest” Handscroll in Japanese Art // Japan Review, #26 Special Issue Shunga. Kyoto: NICHIBUNKEN International Research Center for Japanese Studies, 2013. P. 59–82.

Yano Akiko. Shunga Paintings Before the “Floating World” // Shunga: Sex and Pleasure in Japanese Art. The British Museum. Edited by Clark T., Gerstle C.A., Ishigami Ashi, Yano Akikio. London: The British Museum Press, 2016. P. 62–73.

REFERENCES

Bru, R. (2013). The Modern West’s Discovery of Shunga, in *Shunga: Sex and Pleasure in Japanese Art*, ed. by Timothy Clark et al, London: British Museum Press: 478–489.

Chikamatsu, Monzaemon. (1982). *Shunkan: Heike Nyogonoshima Kikaigashima no ba Ichimaku* [Shunkan. Taira’s Island of Women and Island of Demons, a One Act Drama], Tokyo: Kokuritsugekijō. (In Japanese).

Clark T. et al. (2016). *Shunga: Sex and Pleasure in Japanese Art*. The British Museum. Edited by Clark T., Gerstle C.A., Ishigami Ashi, Yano Akikio, London: The British Museum Press.

Dudarets, G.I., Latyshev, V.M. (2002). Ekspeditsiya V. Seroshevskogo i B. Pilsudskogo na o. Khokkaydo v 1903 g. [Expedition by V. Seroshevsky and B. Pilsudsky to Hokkaido in 1903], *Izvestiya Instituta naslediya Bronislava Pilsudskogo. Nauchnoye i epistolyarnoye naslediyе Bronislava Pilsudskogo: poiski i nakhodki* [Review of B. Pilsudsky’s Heritage Institute. Research and Epistolary Heritage: Researches and Discoveries], Yuzhno-Sakhalinsk, 6: 137–145. (In Russian).

Dudarets G.I. (2006). «Pilsudskiy slavnny paren’ i prelestnyy, urozhdenny etnograf. U nego pryamo prirozhdenny talant...» (iz perepiski uchastnikov etnograficheskoy ekspeditsii 1903 goda na Hokkaydo) [Pilsudsky is a nice guy and a born ethnographer. He has a born talent... (from correspondence by participants of the expedition to Hokkaido in 1903)], *Izvestiya Instituta naslediya Bronislava Pilsudskogo. Nauchnoye i epistolyarnoye naslediyе Bronislava Pilsudskogo: poiski i nakhodki* [Review of B. Pilsudsky’s Heritage Institute. Research and Epistolary Heritage: researches and discoveries], Yuzhno-Sakhalinsk, 10: 28–37. (In Russian).

Gill, R.D. (2007). *The Woman Without a Hole – and Other Risky Themes from Old Japanese Poems*, N.Y.: Paraverse Press.

Ihara, Saikaku. (1963). *The Life of an Amorous Man*, translated by Kengi Hamada, Rutland, Vermont, Tokyo: Charles E. Tuttle Publishing Company.

Kidder, J.E. (2003). *Yaponiya do buddizma* [Japan before Buddhism], Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).

Kislyakov, V.N. (2012). Yaponskiye kolleksii L.Y. Sternberga, khanyashchiesya v MAE RAN [Japanese Collections by L.Y. Sternberg deposited at the MAE RAS], in *Lev Sternberg – grazhdanin, uchenyy, pedagog. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya* [Lev Sternberg as a Public Figure, Researcher, Educator. To his 150th Anniversary], St. Petersburg: MAE RAS: 83 – 91. (In Russian).

Ksenofontova, R.A. (1981). Fol'klorno-kul'tovyye obraztsy yaponskoy goncharnoy produktsii nachala XX v. [Folklore and Cult Motives in the Early 20th c. Japanese Ceramics], *Material'naya kul'tura i mifologiya. Sbornik MAE, T. XXXVII* [Material Culture and Mythology. Collection of the MAE RAS, Vol. XXXVII], Leningrad: Nauka: 67–80. (In Russian).

Mendrin, V.M. (1999). Istoriya segunata v Yaponii (Nikhon gaysi) [History of Japanese Shogunate (Nihon Gaishi)], Moscow, St. Petersburg: Rossiyskaya gos. biblioteka, Letniy sad, Vol. 2. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (1981). Legendy iz «Nikhon reiki» [Legends from Nihon Ryoiki], *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa], Moscow, 3: 126–134. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (1984). Yaponskiye legendy o chudesakh (IX–XI vv.). Perevod s yaponskogo, predisloviye i komentarii Meshcheryakova A.N. [Nihon Ryoiki. Japanese legends about miracles (9–11 cc.). Translation, preface and comments by Meshcheryakov A.N.], Moscow: Nauka. (In Russian).

Mikhaylova, E.A. (2011). Vystavochnyy proyekt Muzeya antropologii i etnografii «Antireligioznaya vystavka v gosudarstvennom Ermitazhe» i ego sozdatel' V.G. Bogoraz [A MAE Exhibition Project “The Antireligion Exhibition” and its Author V. G. Bogoraz], *Radlovskiy sbornik: nauchnyye issledovaniya i muzeynyye proyekty MAE RAN v 2010 g.* [The Radlov Collection of Articles: Research and Museum Projects by the MAE RAS], St. Petersburg: MAE RAS: 90–95. (In Russian).

Moerman, M.D. (2009). Demonology and Erotism. Islands of Women in the Japanese Buddhist Imagination, *Japanese Journal of Religious Studies*, Nagoya: Nanzan Institute for Religion and Culture, 36/2: 351–380.

Neill, J. (2009). The Origins and Role of Same-Sex Relations in Human Societies, Jefferson, London: McFarkand and Company Publishers: 270–273.

Opis' MAE RAN [MAE RAS Inventory], No. 831, 1904. (In Russian).

Quehada E. (1998). Phallic Worship in Japan: celebrating the Phallus, Toronto: University of Toronto.

Sinitsyn, A.Y. (2008). Tri maski traditsionnogo yaponskogo teatra Kagura v ekspozitsii zala “Yaponiya” i ikh svyaz' s arkhainymi fallicheskimi kul'tami [Three Kagura Masks exposed at the MAE RAS Japanese Gallery and their Connection with Archaic Phallic Cults], in *Radlovskiy sbornik: nauchnyye issledovaniya i muzeynyye proyekty MAE RAN v 2007 g.* [Radlovsky Collection of Articles: research and Museum Projects of the MAE RAS in 2007], St. Petersburg: MAE RAS: 75–81. (In Russian).

Sinitsyn, A.Y. (2010). Nekotoryye illyustratsii traditsionnykh yaponskikh predstavleniy o koital'nykh funktsiyakh zhitovnykh-oborotney (Po materialam yaponskogo sobraniya MAE RAN) [Some Illustartion of Japanese Folklore View of Coital Functions of Trickster Animals (Materials of the MAE RAS Collection)], in *Maklayevskiy sbornik, Vyp. 3. Avstraliya, Okeaniya i Indoneziya v prostranstve vremeni i istorii (stat'i po materialam Maklayevskikh chteniy 2007–2009 gg.)* [Maklayevskiy Collection of Articles, Vol. 3. Australia, Oceania, and Indonesia in the Space of Time and History (Articles Based on the Proceedings of the Maklayev Readings 2007–2009)], St. Petersburg: MAE RAS: 277–292. (In Russian).

Sternberg, L.Y. (1902). Fallicheskiy kul't [Phallic Cult], in Brokgauz F.A. and Efron I.A., *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary], St. Petersburg, Vol. XXXV, 268. (In Russian).

Sternberg, L.Y. (1908). *Materialy po izucheniyu gilyatskogo yazyka i fol'klora, sobrannyye i obrabotannyye L.Y. Sternbergom. T. 1. Obraztsy narodnoy slovesnosti* [Materials on the Studies of the Gilyak Language and Folklore, collected and processed by L.Y. Sternberg. Vol. 1. Samples of Folk Texts], St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk. (In Russian).

Sternberg, L.Y. (1936). *Pervobytnaya religiya v svete etnografii. Issledovaniya, stat'i, lektsii.* [Primordial Religion in the Light of Ethnography. Research, Articles, Lectures], Leningrad, Izdatel'stvo Instituta narodov Severa TSIK SSSR im. P.G. Smidovicha. (In Russian).

Suzuki, Shosan. (2004). «O tom, kak pokhotlivyy monakh obratilsya v zmeya». Pervod V.P. Mazurika [On a lustful monk who turned into a serpent. Translation by V.P. Mazurik], in *Tsuyacha zhuravley. Antologiya yaponskoy klassicheskoy literatury VIII-XIX vv.* [One Thousand Cranes. Anthology of Japanese Classic Literature of 8th–19th cc.], St. Petersburg: 859–860. (In Russian).

The Japan Times. (2012). Exhibition of erotic Japanese art draws 200,000 visitors. URL: <https://www.japantimes.co.jp/culture/2015/12/25/arts/exhibition-erotic-japanese-art-draws-200000-visitors/> (accessed: 10 June 2019).

Toropygina, M.V. (trans.) (1994). *Puteshestviye Ondzosi na ostrova* [Onzoshi's Travel to the Islands], in *Gendzi-obez'yana. Yaponskiye rasskazy XIV – XVI vv. otogi-dzosi. Pervod s yaponskogo M.V. Toropyginoy* [Genji-the-Monkey. Japanese Otogi-zoshi Tales of the 14th – 15th cc. Translated from Japanese by M. Toropygina], St. Petersburg: Akademicheskiiy proyekt: 64–81. (In Russian).

Yano, Akiko. (2013). Historiography of the “Phallic Contest” Handscroll in Japanese Art, *Japan Review, No. 26 Special Issue Shunga*, Kyoto: NICHIBUNKEN International Research Center for Japanese Studies: 59–82.

Yano, Akiko. (2016). Shunga Paintings before the “Floating World”, in *Shunga: Sex and Pleasure in Japanese Art*, The British Museum, edited by Clark T., Gerstle C.A., Ishigami Ashi, Yano Akikio, London: The British Museum Press: 62–73.

Поступила в редакцию 25.06.2019

Received 25 June 2019

Для цитирования: Синицын А.Ю. Коллекция В.Л. Серошевского (МАЭ № 831) как первая в отечественной этнографии целевая подборка визуально-иллюстративных и предметно-тематических материалов по традиционным японским фаллическим культам // Японские исследования. 2019. № 4. С. 39–59. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10027

For citation: Sinitsyn A.Yu. (2019). Kolleksiya V.L. Seroshevskogo (MAE No. 831) kak pervaya v otechestvennoy etnografii tselevaya podborka vizual'no-illyustrativnykh i predmetno-tematicheskikh materialov po traditsionnym yaponskim fallicheskim kul'tam [The W.L. Seroshevsky collection (MAE No. 831) as the first targeted acquisition of visual and thematic materials on Japanese traditional phallic cults in Russian ethnography], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 4: 39–59. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10027